

Он был моим любимым соседом...

О Тихоне Николаевиче Хренникове
– с любовью и благодарностью!

Перед тем, как сесть и написать эти скромные заметки о хорошем и любезном сердцу человеке, спросил у родных юбиляра, кто еще примет участие в этом памятном сборнике. Спросил не случайно, не любопытства ради, просто не хотел попасть впросак, вспоминая близкого мне по духу и характеру человека, который сам менее всего был предрасположен к лести и похвалам своих доблестей и заслуг. Да, Тихон Николаевич Хренников и для меня остается известным, талантливым композитором, занимающим свое особое место в ряду творцов музыки – таких, как Дунаевский, Шостакович, Хачатурян и другие. Не стану, просто «побоюсь», делиться своим мнением и восторгом от музыкального искусства Хренникова, зная, что ценность композиторского (писательского, актерского, живописного) дара определяются не только, да и не столько, мнением специалистов-критиков, а прежде всего самими слушателями, ради кого эта музыка создается. В моем восприятии Тихон Николаевич был и остается композитором «от Бога», душевно близким и молодым и старым, иногда и сейчас напевающих полюбившиеся мелодии и куплеты из фильмов «Верные друзья», «Свинарка и пастух», «Гусарская баллада» (а я с удовольствием вспоминаю и распеваю знаменитый «Марш артиллеристов»). И потому не буду претендовать на профессиональные оценки его творчества в целом, да и отдельных произведений, или участвовать в споре, насколько его Второй фортепианный концерт лучше, удачнее Первого... Просто, без запоздалого «подхалимажа» скажу, что давно и надолго полюбил его музыку, именно как музыку хренниковскую, и полюбил настолько, что «узнаю» её сразу, по её интонации, мелодической прозрачности, «напевности».

Помню, в конце семидесятых обрадовался, когда узнал, что мы будем соседями. Вообще-то, Тихон Николаевич был знаком с моей женой намного раньше: когда сочинял музыку к фильму «Кавалер Золотой Звезды», где главную женскую роль играла Кира Канаева, моя жена. Теперь же, много лет спустя, мы оказались соседями по этажу, квартирами – на Старом Арбате, в Плотниковом переулке. Сразу сблизилась *семействами*: друг другу не надоедали, но и не чурались, встречались-общались, понятно, с учетом возрастных различий. Были и остались в памяти встречи и случаи, которые невольно запоминаешь. Например, неожиданное для меня появление («визит») Тихона Николаевича в конце 80-х, когда февральским вечером он пришел поздравить меня с днем рождения, пришел не один, вместе с Валентином Гафтом, и целый вечер допоздна мы обсуждали «всё и всех», а Гафт ублажал нас своими исключительно - замечательными ироническими «посвящениями» в адрес знаменитых деятелей нашей культуры и искусства.

Запомнил встречу на первом этаже у лифта, когда Тихон Николаевич сообщил, с укором, что случайно узнал сегодня и только что проголосовал за присуждение мне звания Лауреата Государственной премии СССР (1986), ругая за то, что не сказал ему об этом раньше. Надолго с женой запомнили его ходатайство перед Моссоветом и лично Промысловым по поводу приобретения (покупки) однокомнатной квартиры для сына, Алексея, и еще больше, как он всерьёз «забраковал» текст обращения другой общественной организации (киносоюза) с той же просьбой оказать мне эту услугу. Помню дружеские встречи-разговоры Киры с Кларой Арнольдовной, супругой Тихона Николаевича, особенно теплые, когда речь заходила об их обоюдной любви к цветам. Короче, с соседством нам очень повезло.

Назвать наши отношения дружескими не могу, учитывая те же возрастные различия: жизненный опыт несоизмеримо более зрелых и мудрых людей, чем мой и жены, тоже уже не молодых, но и не закаленных жизненными уроками и испытаниями. Назвать наши отношения только *соседскими* было бы просто неверным – это отдаёт чем-то бытовым и поверхностным, но и считать их дружбой вряд ли верно, хотя мы с женой испытывали к Тихону Николаевичу и всему семейству самые теплые и нежные чувства. Помню наши редкие встречи, чтобы «просто поговорить и обсудить» какие-то актуальные события и вопросы, а мне хотелось услышать мнение мудрого человека, к тому же – нечего таить! – вхожего во влиятельные кабинеты. Мне, довольно тесно связанному со сферой культуры, особенно научной и вузовской, театральной и кинематографической, мнение, оценки и советы такого осведомленного и мудрого человека, конечно, были очень важны и ценны. С театром и кинематографом я был связан не только «членством» (как член ВТО – с 1953 года, а с Союзом кинематографистов – с 1963-го), но и прямым участием в деятельности творческих объединений «Мосфильма» и регулярными выступлениями перед театральной общественностью Москвы, Ярославля, Казани, Волгограда.

Безусловно, наши встречи-беседы держались не только на чувстве «соседства» и достаточно хорошего знакомства с музыкой Тихона Николаевича. Хотя в данном случае – в связи с круглой датой 100-летия знаменитого композитора - хочу подробнее остановиться на важном моменте и обстоятельстве, непосредственно связанном с деятельностью Хренникова как общественного и государственного деятеля. И, кстати, важном и значимом в связи с ныне объявленным вступлением России в наступающем году в *Год Культуры*, надеясь на то, что оно станет событием не только «ритуальным», но и *деятельным*, несущим стране и обществу какие-то серьезные сдвиги и перемены во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Ведь молодые люди не знают, а «старики», вроде меня, коим перевалило за 80 лет, многие уже подзабыли, каковы были условия сразу после Победы над фашистской Германией, как жила и развивалась страна, еще недавно, буквально «вчера», стоявшая на краю гибели.

Вспоминаю себя, студента, потом - молодого специалиста, как воспринимал я действительность, реагировал на действия власти, которая в области культуры особое внимание уделяла вопросам идеологии и патриотического воспитания. То, что с годами и сейчас воспринимается как «перегибы», тогда, в крайне сложные времена мирного, но отнюдь не тихого и безмятежного, развития, воспринимались большинством общества как меры вынужденные и совершенно необходимые для того, чтобы вывести страну на путь нормального строительства и процветания. Запомнились студенческие годы, когда стал и был активным комсомольцем, секретарем факультетской организации, и могу в эпизодах и «живых картинках» описать, как тяжело и в то же время очень интересно мы тогда жили в общежитии на Пастера, 29 (сейчас здание сгорело), учась в Одесском университете им. И.И.Мечникова. Это было как раз тогда, когда Хренникова «сам Сталин» назначил главным за состояние и развитие советской музыки. И она, живая и невредимая, делала наше весьма непростое повседневное бытие более сносным, терпимым и интересным. Хотя, оглянувшись назад и посмотрев на все трезвым, всё «понимающим», взглядом, в те времена было явно не до песен и музыки. Но, помню, как заканчивалось тогда каждое факультетское отчетно-выборное комсомольское собрание – чтением стихов любимых поэтов и просьбой - требованием собрания, чтобы я, «вновь избранный», сплясал «чечётку по-цыгански».

Говорю об этом сегодня потому, что ситуация, в которой жило и пробивало себе дорогу искусство, была совсем не простая, особенно в момент выбора, который Хренникову предстояло сделать. Фактически никакого выбора не было, имея в виду неукоснительность, с какой принято было принимать сталинские предложения и решения, не забывая при этом поблагодарить вождя «за доверие». Тем более, сам Хренников, из «молодых да ранних», более чем кто другой подходил к занятию должности и выполнению обязанностей, которые ему предстояло исполнять. Как я прочитал и узнал недавно, по многим параметрам и своим личностным особенностям он был гож, то есть подходил, чтобы занять предлагаемый ему пост и должность. К тому времени зарекомендовав себя в глазах знавших его коллег и знакомых человеком, не по годам, серьезным, внутренне собранным, организованным и притом весьма *доброжелательным* по характеру и отношению к людям. Оказывается, эта черта признавалась за ним почти всеми, кто его знал и с ним общался. По тому, как он относился к людям, которыми ему довелось, пришлось *«командовать и управлять»*. Взял эти слова в кавычки, поскольку «всамделишный» Хренников никогда никем не командовал, руководствуясь сформулированным им самим принципом - *в искусстве нельзя командовать*. По самой причине, по какой, например, никто не может организовать, «соорудить», *вдохновение и энтузиазм*.

Однако в советской реальности эти формы и приемы взаимоотношений не только бытовали, но порой и преобладали (как, впрочем, и сейчас!) в

отношениях членов того или иного творческого коллектива. Существуют даже целые теории и практики их внедрения и оправдания: мне, многие годы системно связанному с практической деятельностью театров (той же «любимовской Таганкой»), или творческими объединениями «Мосфильма» (Второго – «Пырьевского», Третьего – «Райзмановского»), они хорошо известны, и в ряде случаев выглядят вполне оправданными, разумными. Никто не пытался их публично одобрять, оправдывать или ставить под сомнение. Это сейчас «задним числом», и чисто отрицательно, со ссылкой на пресловутый «сталинизм», их пробуют внедрять в сознание как якобы «благое зло», мол, неизбежное в жизни и деятельности творцов триады *истины, добра и красоты*.

Как я понял из встреч-бесед с Тихоном Хренниковым, он не разделял подобную этику и эстетику отношений внутри вверенного ему «царства Музыки». Поэтому многие происходившие в атмосфере «культы личности» преследования и вивисекции творцов, чем-то и в чем-то не устраивавшие власть и «совсем бдительных» управленцев, здесь либо «не замечали», либо они не носили столь свирепого характера, как в других творческих союзах и организациях (например, в литературе или театре). Отмечаю и говорю об этом потому, что не приемлю огульное отрицание и обличение всей реальной истории советской художественной культуры и искусства, к которой я имел, пусть скромное и сугубо «теоретическое» отношение, но, все-таки, не был им безразличен. Должен заметить, что не только «пригретые» советской властью люди, но и многие трезво и критично мыслящие люди отдали созданию ценностей этой культуры лучшие годы своей жизни, и потому, естественно, не разделяли тогда, как не разделяют и сейчас, запоздалое и трусливое поношение прошлого нынешними обличителями – «антисоветчиками». Теми, кто вполне терпимо переносит и даже «выносит» явную безвкусицу и откровенную пошлость современного, якобы совершенно «свободного искусства» (в той же музыке), что не совсем так.

С кем Хренникова только не сравнивали – с луной, айсбергом и другими природными фетишами, имея в виду, что помимо официальной сферы его жизни – композитора и общественного деятеля, он был еще «простым советским человеком», которому не чужды причуды и привычки, присущие многим в повседневности. И такие «чудасии» не были ему чужды: вроде той же, распространенной почти в любой советской среде, любви к анекдотам, которой, несмотря на столь же ходовое в стране «доносительство», отдавал дань и Тихон Николаевич. Зато, в отличие от большинства, совершенно не болел «вещизмом», спокойно воспринимая эту страсть, которая сегодня для миллионов россиян стала любимым занятием, даже страстью. С приятным удивлением недавно узнал, что композитор, как и я, был завзятым любителем хорошей заварки чая, хотя чувствовал меня, в основном, водочкой.

Гораздо существеннее и продуктивнее были присущие ему личностные черты и привязанности: например, к *мелодическому началу*, считая тех, кто его недооценивал и им пренебрегал «музыкальными инвалидами»; прилюдно критиковал, «клеил», во всех его проявлениях дилетантизм и дилетантов во всех проявлениях, не только в музыке, но и в управлении; в то же время завидной и похвальной была его способность быстро переключаться с одного занятия или увлечения на другое, свойственное действительно творческим натурам. Понятно, меня больше интересовало одно свойство или страсть наших интеллигентов, особенно в среде творческих работников – желание и стремление стать *начальником*, и что-либо *возглавить*. Скажем, хотелось понять, как он воспринял и насколько сам был увлечён предложенной ему «свыше» такой большой властью – управлять всей музыкой. В те самые годы, когда Тихон Николаевич уже свыкся со своим должностным положением, я продолжал уклоняться и увиливать от соблазна «попасть в начальники». А тут передо мной явный образ и образец по-настоящему успешного управленца, руководителя одной из самых сложных и капризных сфер человеческой жизнедеятельности. Именно пример Тихона Хренникова убедил меня в правоте моего нежелания стать руководителем чего бы то ни было, поскольку я явно не обладал некоторыми важными качествами и навыками, необходимыми руководителю советского типа, чтобы даже в очень сложных ситуациях оставаться у власти. Не буду углубляться в эту тему и проблему (её достаточно обстоятельно недавно я объяснил в статье «Тщета тщеславия» («Вопросы философии», № 10, 2013 год), и только поясню, почему именно пример Хренникова помог мне уяснить самому себе, чем и почему подобная карьера мне и не по нраву, и не по плечу. Как пояснил мне человек, знавший и понимавший его намного лучше, чем я, Тихон Николаевич завидной способностью менять и пользоваться разными «масками», чтобы добиваться желаемого эффекта и своих целей, не жертвуя постом и должностью. «Чистоплюям» это покажется сомнительным качеством, но он умудрился остаться единственным «управленцем», кто мог потом, когда «завершилась» эпоха «культы личности», сказать, что лишь в его «ведомстве» ни один композитор и музыкальный деятель не были «посажены» или «убиты». И я узнал еще об одном удивительном качестве Тихона Хренникова: он знал всех, кто его «подсиживал» и на него «доносил», и ни один из них тоже «не пострадал»... по его вине. Таким характером и верностью своим жизненным принципам я не обладал. И потому, кому-то из советских людей повезло, что начальником стал не Толстых, а Тихон Хренников.

Валентин Толстых

Андрей! Перечисляю свои регалии, из которых сам выбери, какой подойдет, чтобы я не «выделялся»: главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР (1986).

